
И.В. Абанкина

ЕВГЕНИЙ САБУРОВ: ВОЗМОЖНОСТИ ПО ТУ СТОРОНУ ГРАНИЦ

«Люди, влюбленные в свободу,
всегда пестовали и поддерживали образование.
Можно сказать даже, что любовь к свободе
и любовь к образованию имеет одну природу —
это любовь к развитию».

Из книги Е.Ф. Сабурова «Школа и свобода» (2005)

Либерал, экономист, математик, поэт и педагог...

Он писал, что во все времена и у всех народов система образования вызывала тревогу. Эта тревога была нервом его размышлений об образовании, мотором его активных действий, вторжений в систему образования, в образовательную политику, в науку об образовании, в экономику образования.

Главным для Евгения Федоровича было стремление думать, обсуждать смыслы, спорить о целях, поняв собеседников, предлагать экономические механизмы — как он, улыбаясь, иногда называл их, «хозмехи». Он старался предложить такие механизмы, которые, по его мнению, помогают достигать целей, удерживать смыслы. Будучи либералом, Сабуров прекрасно понимал великий принцип либеральной несправедливости: богатство приносит доход. Но он также абсолютно точно понимал, что живое дело учителя — это не его предмет, а его ученики. Именно поэтому Сабуров сумел убедить образовательное сообщество и законодательно закрепить в финансировании образования принцип «деньги следуют за учащимися», так называемый принцип нормативно-подушевого финансирования. Неважно, что на его внедрение ушло почти двадцать лет, что мы до сих пор не достигли «полной и окончательной победы» ни в «подушевости», как сказал Исаак Иосифович Калина, ни в «нормативности». Важно, что в законе «Об образовании» 1992 г., признанном европейским сообществом одним из самых демократичных, были институционализированы прозрачные механизмы финансирования образования, которые позволяют перемещать ресурсы вслед за учащимися. Это закрепление справедливости в распределении ресурсов — не затягивание образования

в прокрустово ложе бюджетной отрасли, а экономическая интерпретация свободы в образовании. Именно эти принципы финансирования дают каждому не только право на образование, но и право на развитие, право на мобильность по любому из векторов: в социальной, в культурной, в интеллектуальной, в профессиональной, в этической, в психологической и в любой другой сфере.

Сабуров осуществил свою попытку экономической интерпретации феномена образования, как он писал в книге «Школа и свобода». При этом Евгений Федорович всегда подчеркивал, что вопреки распространенному убеждению экономика денежными подсчетами вовсе не ограничивается. Люди, далекие от экономики образования, очень любят обсуждать всяческие подсчеты, требовать: подсчитайте то или это. Ах, не можете — вот поэтому в образовании и нет денег, учителя и получают нищенскую зарплату! Они и не предполагают, что экономистов, в том числе и Евгения Федоровича Сабурова, волнуют совсем другие понятия, такие как благо, польза, лишения, сигналы, фильтры...

Многие, читая его статьи или слушая выступления, недоумевали: а где здесь экономика? Мол, хотели увидеть результаты расчетов, услышать выводы о том, как нам в образовании не хватает денег и как обосновать выделение средств из городского, регионального или федерального бюджета, а он все философствует про сигналы со стороны рынка труда — что, нам эти сигналы слушать? А Евгений Федорович в ответ писал про образование как пристрастие, про образование как наследство, пытаясь соединить человеческий капитал и школу. Он считал, что технологию расчетов смогут разработать и завершить ученики, а мастеру главное — понять, как и насколько та или иная теория (особенно это относится к экономическим теориям и концепциям) упрощает реальность, огрубляет ее, не получается ли так, что самые важные свойства этой реальности остаются за пределами теоретического описания и концептуального моделирования. Его волновал вопрос, как сделать теорию человеческого капитала чувствительной к качеству образования, как встроить в упряжку Гэри Беккера еще одну лошадку кроме той, что называется сроком обучения.

Еще одно направление совершенствования теории человеческого капитала, которое рассматривал Евгений Федорович, связано с модификацией так называемого начального нулевого наделения. Легко согласиться с мыслью, что все люди разные, причем уже до рождения, но совсем непросто построить теорию распределения начального капитала, предусматривающую разные темпы накопления этого капитала в зависимости от стартовых возможностей и от приобретаемых способностей, в первую очередь от способности учиться. Ведь не в теории человеческого капитала возникла метафора «пустого сосуда, который наполняется в процессе обучения» — Евгений Федорович называл этот пустой сосуд мешком. Эта метафора вполне плодотворна: Ян Коменский построил на ней свою «Дидактику», его методы позволили создать классно-

урочную систему в школе и гарантировать результат обучения. Принципы организации школы, заложенные Яном Коменским более 350 лет назад, действуют и сейчас. Но Евгений Федорович прекрасно понимал несовместимость теории человеческого капитала и концепции образования в течение жизни, его научный поиск как экономиста был направлен именно на достраивание теории человеческого капитала, причем достраивание базовых принципов, разработку математических моделей, которые бы позволяли учитывать и качество образования, и разность стартовых условий, и принципы капитализации дохода от образования в будущем.

Евгений Федорович очень ценил педагогов, умел найти среди них выдающихся людей. Он и сам был прекрасным педагогом, до последних дней преподавал на экономико-математическом факультете в Академии им. Плеханова. Для него экономика и математика были неразрывны, он и математику считал гуманитарным предметом. Она была способом думать, а не предметом для изучения. Он готов был подписаться под фразой, сказанной когда-то в советские времена академиком Станиславом Сергеевичем Шаталиным: «Если вы экономистам, закончившим отделение экономической кибернетики на экономическом факультете МГУ, выдаете диплом с присвоением квалификации “экономист-математик”, то давайте тем, кто заканчивает отделение политической экономики, выдавать диплом с присвоением квалификации “экономист-филолог”». Драйв для Сабурова в преподавании заключался в возможности обсуждения своего понимания различных теорий, пропущенных через собственный опыт... Опыт министра экономики, опыт создания Правительства Крыма, опыт управления крупнейшими компаниями через членство в совете директоров, опыт создания новых интеллектуальных центров, каким стал Институт экономики города, учредителем которого он был. Из всех «вагончиков» Сабуров умел выбирать те, у которых есть потенциал стать локомотивами. По его мнению, таким локомотивом могло стать жилищное строительство, образование. Именно в этих сферах нужен был нерв, магнетизм внутренней силы, который бы притягивал людей креативных, интеллектуальных, смелых, свободных — экономистов и юристов, педагогов и поэтов, математиков и психологов, философов и методологов.

Команды, которые формировались вокруг Евгения Федоровича, всегда состояли из людей разных профессий, разных возрастов и даже разных взглядов. Никто не стремился навязать свою точку зрения как единственно верную, спорили, не соглашались, даже не всегда понимали и слушали друг друга, но постепенно, шаг за шагом каждый становился немного экономистом, математиком, поэтом, философом.

Не случайно, когда Евгений Федорович был научным руководителем Института развития образования в Высшей школе экономики, мы приглашали выступать на семинарах ведущих специалистов по занятости, конкуренции, по оценке инвестиций в об-

разование и отдачи от образования, по организации местного самоуправления, расселению, проектированию сетей массового обслуживания и т.д.

Выживать ему помогала ирония. Ирония Сабурова была особенной, рефлектирующей, позволяющей проникнуть в глубину. В глубину границ и глубину возможностей. Мало кто обсуждает эти понятия, мы жонглируем ими в зависимости от сиюминутной ситуации, апокалиптически предрекая «захлопывание окна возможностей» или радостно прорубая окно в Европу. Сабуров размышлял над возможностями через границы, по ту сторону границ, учился у детей предьявлению свободы через границы и освоению веера возможностей. Он вырывался на свободу через любые границы, когда практически все возможности были исчерпаны. Мне кажется, что для Евгения Федоровича границы задавала тоска, однажды увиденная им в глазах человека, не умеющего жить в пространстве интеллектуального поиска и эмоционального переживания, лишённого внутренней поэзии. Этой тоске он противопоставил, как он сам писал, азарт и надежду, взлеты и падения.

Если мы говорим о стейкхолдерах в образовании как о тех, кто определяет политику, удерживает смыслы и инвестирует ресурсы, то Евгений Федорович Сабуров, безусловно, один из стейкхолдеров по масштабу личного вклада в образование. Без него невозможно представить себе политику в этой сфере за последние двадцать лет, импульс реформ, заданный им в образовании, будет иметь эффект снежного кома.

Но мне больше всего хотелось бы, чтобы та готовность к инициированию идей, тот вкус к теоретическому поиску, которые он заложил в своих учеников, проросли в новых концепциях, вернув гуманитарность экономике образования.